

7. Samvar L.A. , Porter R.E. Communication between cultures. 2nd ed. California: Wadsworth Pu./ Company, 1995, P. 257
8. Miller G.R. , Steinberg M Between people/ Chicago. Science Research Associates, 1975, p. 167.
9. Розмовна англійська в темах і діалогах / Е.С. Мустафаєва – Сімферополь: Кримське навчально-педагогічне державне видавництво, 2004. – 196с.

Чудомех В.Н.

РАННИЙ АНТРОПОСОЦИОГЕНЕЗ: АНАЛИЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ИСТОКОВ

В настоящей статье проводится анализ бытующих представлений об истоках Раннего Антропосоциогенеза (Палеоантропосоциогенеза). Цель проведённого анализа – выделить контуры «проблемы постижения истоков Человека», оценить подходы к её разрешению (на основе авторского, предложенного ниже) и обозначить перспективу в ответе «Кто Мы?».

При известном обилии научных материалов, посвящённых Человеку и истокам Человека, естественны вопросы: «Что ещё не сказано о Человеке и о Бытии Человека?», «Почему мы вновь и вновь – более 2,5 тысяч лет – обращаемся к теме Человека и Бытия Человека?», «Почему Феномен Человека традиционно в центре философских дискуссий?». Начнём с общеизвестного – удовлетворительного и общепринятого «понятия о происхождении Человека Земли» в настоящее время не существует. Есть лишь «концепции происхождения Человека»: а) «креационные» (постулирующие «тварность Человека», добиблейские и библейская); б) «эзотерические» (отстаивающие многовариантность происхождения Человека Земли, постулирующие как космические перемещения неких представителей Человеческих Рас, так и цикличность деградаций-возрождений – неких представителей Человеческих Рас, исходно «заселивших» Землю в некие Давние Времена); в) «космистские» (отстаивающие в рамках «космизма» постулат о появлении Человеческого Разума вследствие некоего воздействия «Космического Разума»); г) «антропоцентристские» (отстаивающие в рамках «антропоцентризма Вселенной» свой базисный постулат «Вселенная эволюционирует с целью породить Человека – Наблюдателя Вселенной»); д) «эволюционная» (развивающая в контексте Дарвинизма постулат о естественности появления Человека вследствие Эволюции Живого). Каждая из перечисленных «концепций происхождения Человека» имеет «свои»: исторические истоки, историю борьбы за «истинность», среду «приверженцев», «неопровержимые» доказательства «истинности» именно их «концепции» и «неопровержимые» доказательства «неистинности» других «концепций».

В суперкратких характеристиках вышеприведённых концепций можно заметить не только их различие в подходах к происхождению Человека, но и некоторую принципиальную общность. За исключением «креационной», во всех указанных «концепциях истоков Человека», так или иначе, присутствует «эволюционная составляющая» - в обоснованиях тех или иных сторон происхождения Человека. Связывает вышеприведённые «концепции истоков Человека» и временной интервал их появления – в более целостном варианте они начали популяризоваться после выхода в 1871 году известного труда Ч.Дарвина «Происхождение Человека и Половой Отбор».

Вряд ли можно утверждать, что до Дарвина истоками Человека никто не интересовался и все довольствовались лишь «креационной концепцией»: «Человек создан по образу божию, и в своём первоначальном состоянии – в том, в котором он вышел из Божественных рук - он был равен своему прототипу, но с грехопадением Адама всё Божественное утратил» (А.Августин - 1, с.12). Принципиальная значимость «Дарвинова переворота в мировоззрении» в другом – в предложении новой научно-методологической опоры, на основе которой стало возможным: а) осмыслить и обобщить все известные представления о происхождении Человека, существовавшие до её появления (т.е. все мнения о происхождении Человека, формировавшиеся на протяжении нескольких тысяч лет до Ч.Дарвина); б) критически «домыслить» то, что «упущено» или «плохо представлено» самим Ч.Дарвином (развить Знание Человека, «копираясь на Дарвина и отталкиваясь от Дарвина»).

Ещё один и весьма значимый аспект появления этого знаменитого труда Ч.Дарвина – исторический (не всегда оцениваемый должным образом или попросту замалчиваемый). Выразась образно, этим своим трудом Ч.Дарвин «вернул» Человечеству всю его Великую Планетарную Историю, великую по всем параметрам – по событиям, по свершениям и по Времени: к шести тысячам лет Библейской Истории Человека (до Рождества Христова) Ч.Дарвин добавил примерно 40-60 тысяч лет Истории Homo Sapiens и несколько миллионов лет Планетарной Истории рода Homo. С такой трактовкой и длительностью Истории Человека соглашаются далеко не все, тем не менее, только при таком, Планетарном представлении Истории Человечества, и можно постичь: 1) «Что такое Человек-вообще?»; 2) «Чем Человек отличен от животного?»; 3) «В чём отличие Бытия Человека от Бытия Живоприродного?».

Исходя из заявленной тематики, большее внимание уделено далее ответам на последние вопросы - именно они ведут к искомому: «Что такое Человек-вообще?». Актуальность таких вариативных подходов к ответу «Что такое Человек?» несомненна. Даже сегодня, «собрав и скомбинировав все имеющиеся данные о Человеке, мы увидим лишь фрагменты из Картины Человеческой Природы» (1, с.4). Чем их будет больше, тем полнее окажется эта Картина. Многообразие подходов к ответу «Что такое Человек?» содержит и очевидную гносеологическую перспективу – базис для осмысления Бытия Человека станет многосторонним, а, соответственно, более совершенным.

Переходя к непосредственному анализу исторических мнений, представлений и определений «Что же такое Человек-вообще?», начнём с описательной характеристики «Человека»: это «существо на двух ногах» (Платон), «рациональное» (Э.Кассирер - 1, с.29), «состоящее из тела, души и духа» (антропософское

определение), «себя погребаящее» (Н.Фёдоров - 2, с.121), «делающее орудия» (Б.Франклин - 3, с.164), «способное от природы к жизни в обществе» (Т.Гоббс - 4, с.284), «культурное и общественное» (Ч.Дарвин - 5, с.302), «строящее города» (О.Шпенглер - 6, с.113). В энциклопедических изданиях определения «Что такое Человек?» уже обобщающие и многоуровневые: а) «...это высшая ступень живых организмов на Земле, субъект общественно-исторической деятельности и культуры; способен производить орудия труда и использовать для воздействий на окружающий мир; появился на Земле в итоге сложного... историко-эволюционного процесса примерно 40 тыс. лет назад, а по некоторым данным ещё раньше...» (7, с.1496); б) «...это живая система, представляющая собой единство физического и духовного, природного и социального, наследственного и приобретённого. Является высшим уровнем организации материи в известной нам части мироздания, кристаллизует в себе всё, что накоплено человечеством в течении веков...» (8, с.770).

Определения «Что такое Человек?» в «философской антропологии» (в частности, в трудах М.Шелера и Х.Плеснера) довольно противоречивые. К примеру, Человек у М.Шелера – это «переход между Жизнью и Богом» (т.е. «выход Жизни за пределы самой себя» - «Человек сопричастен Жизни через тело, а Богу через Дух») и «сопряжение различных аксиологических порядков: человеческого и сверхчеловеческого, конечного и бесконечного, временного и вечного, естественного и сверхестественного» (9, с.915). Поэтому Человек у М.Шелера амбивалентен – и «каскает Жизни» и «Вечный Фауст», пребывающий одновременно «в-мире» и «за-миром», являющий собою «известное» и «вечную тайну», «подлежащую постоянному расшифровыванию».

В то же время, мнение М.Шелера о «Человеке в Истоках» совершенно иное - это «больное животное», «ложный шаг Жизни» - «шаг Homo naturalis в эволюционный тупик» (там же). В представлении предка Человека «больным животным» М.Шелер не одинок, в западной философии такой подход к «началам Человека» довольно популярен. Подобно же, но как «деградант», предок Человека характеризуется и в «эзотерических учениях» - это «злосчастное существо, чей бытийный разум, вследствие очень многих причин, постепенно выродился» до такой степени, что «оно не смогло состояться и как животное» (Е.Блаватская, Г.И.Гурджиев и др. – 9, с.896).

В поисках однозначного определения «Что такое Человек?» традиционны нескончаемые попытки представить Человека «уникальным», «отличным» от представителей Животного мира «явно». Например, так: а) «...Уникальность... Homo Sapiens обусловлена тем, что в отличие от животных, этот вид наряду с генетической программой имеет, благодаря наличию сознания, вторую программу, определяющую его развитие в каждом последующем поколении... - программу социального наследования...» (Н.Дубинин – 10, с.36); б) «...Прежде Человек воспринимался частью Мира, теперь в свете минувшего исторического и психологического опыта, решительно отказались от этого взгляда и ныне он сохраняется в качестве заблуждения. Существовая в Природе, Человек не является её чистым порождением и обладает качествами, не имеющими в ней предпосылок. Они все характеризуются понятием «Дух»...» (В.Мильдон - 11, с.62-63).

Последнее мнение может показаться непонятным: а) на какой минувший опыт ссылается его автор (неужели «Тайна Человека» уже раскрыта?); б) если Человек не «часть Мира», тогда как классифицировать всё ныне известное о Мире и Человеке – как тысячелетнее «топтанье на месте»? Поскольку автор вышеприведённого мнения никаких оснований для него не представил, остаётся руководствоваться логикой – очевидно, оно связано с авторской абсолютизацией «Духа Человека» и верой автора в возможность «объяснения Человека» через «Дух Человека», т.е. только на основе «экзистенциальных характеристик Человека» (подсознательно и сознательно стремится к «свободе», к проявлению «воли», к «целесообразному действию», имеет неиссякаемый «когнитивный интерес к Внешнему» и т.д.). Вышеприведённое мнение В.Мильдона, весьма похоже, базируется на постулате М.Шелера о «Духе Человека» как «Центре Человека»: «...Этот Центр, исходя из которого Человек совершает акты опредмечивания Мира, своего тела и своей Psyche, не может быть частью самого этого Мира...» (12, с.155). Приведённый пример «экзистенциального подхода» к Человеку для западной и прозападной философии также традиционен (позволяет «дистанцироваться» от Видовой Истории Человека и изучать Человека «как-есть», в непосредственном бытии, – психоаналитическими и социологическими средствами).

Подобных «понятий о Человеке» существует множество, но ни одно из них не даёт удовлетворительной подсказки - «как в Бессознательном появилось Сознательное». На базе традиционных подходов к «источкам Человека» феномен «одухотворения Живого» (появления в среде Живого «Сознания» и «Рефлексии») объяснить не удалось, поэтому многими он относится к «случайным». Такие «видовые признаки Человека», как: «самоосознание», «свобода-в-поведении», «целесолагание» и «отчуждённость от Природы», формировались миллионы лет и неизвестность ключевых моментов этого процесса (пробелы в его палеолетописи множественны и длительны) позволяет относить эти признаки к «неприродным» (как видим, даже сегодня) и считать их «несводимыми к естественной эволюции Жизни» (М.Шелер - 13, с.53). Феномен Сознания также не обойдён вниманием научного мира, есть много довольно интересных, но всё-таки «частных представлений» этого Начала Человека. В их ряду «кумулятивная концепция Сознания» Б.Ф.Поршнева [14], «компенсаторная концепция Сознания» А.Гелена [12], «концепция открытости Человека Миру» М.Шелера [13], Г.Плеснера [15] и мн.др. Тем не менее, природа Сознания, представленная в этих концепциях, весьма гипотетична, не прояснена в них достаточно и последовательность явлений: «Что всё-таки раньше – Человек или Сознание?».

Действительно ли Человек - «случайность» и «причуда Универсума» (16, с.444)? Неужели наше Сознание - «аномальное явление Природы, гротеск и ирония Вселенной» (5, с.308)? Из двух способов выявить «истину» - либо доказать «аномальность» этих двух Феноменов Живого, либо доказать их «закономер-

ность» - более простым представляется последний, а потому мы им и воспользуемся. Для этого «всмотрим пристально в глубь веков» - как зарождались, развивались и становились – «Человек» и «Сознание Человека» (на основе извместных представлений о «Началах» и «движущих силах») Палеоантропного развития). Как известно саморазвитию новых видов элементов Живого могло предшествовать появление в неких их поколениях неких «случайно-новых» и «полезных начал» (17, с.71-72). Наиболее вероятным «началом Человека» принято считать переход рода Номо к «системному прямохождению». Причина перехода некоторой части высших приматов («человекообразных существ») к «исторически настойчивому прямохождению» (из поколения в поколение) недостаточно ясная и убедительного научного обоснования пока не имеет. Подойдем к этому планетарному феномену «нетрадиционно» - с постановки исходного логического вопроса: «Является ли «системное прямохождение» палеоантропов «уникальным» - «разительным свойством» древнейших предков Человека, «...не имеющим...аналогий ни среди приматов, ни вообще в Животном Мире...» (Алексеев В.П. - 18, с.95) - непосредственно создавшим базу для перестройки всей морфологии Человекообразных и «прямо приведшим» их к «качественно новому», «разумному социальному Бытию»? Не анализируя истоки подобных мнений, сразу отметим очевидное - «системное прямохождение» в Животном Мире существовало всегда. Наиболее «древние прямоходящие» обнаруживаются в среде динозавров, помимо Человека к «нынешним прямоходящим» можно смело причислить кенгуру, пингвинов, а также множество других – всегда «двуногих птиц».

Бесспорно и то, что независимо от причин «начала системного прямохождения» палеоантропов, без настойчивого сохранения в длинной череде их поколений этого «случайно-нового» и «полезного поведенческого начала» не было бы и следствия - постепенной морфоповеденческой модификации палеоантропов и эволюционного развития их головного мозга, всех его структурных компонентов. Могло ли отразиться появление у палеоантропов пары «свободных конечностей» (двух «новых органов» освоения Внешнего) на структурной организации и на объёме их головного мозга? Естественно и очень существенно. Так, например, при сопоставимой массе тел «...мозг белки заметно больше, чем у суслика...» (19, с. 26). Белка же от суслика отличается весьма незначительно – лишь длинным хвостом (орган коррекции её «прыжков-полётов») и древесным образом жизни (в нём доминируют «трёхкоординатные расчёты движения тела»).

Есть также фактуальные свидетельства того, что у палеоантропов в процессе эволюционного саморазвития «прямохождением» постепенно менялось не только «качество» передних конечностей, но и тело - включая расположение и «качество» внутренних органов («самоадаптировавшихся» к «прямостоянию тела»). Таким образом, постепенные изменения структуры и объёма головного мозга палеоантропов - образование в нём исходных «антропных надстроек» (обусловленное «новыми функциями передних конечностей» и «прямохождением») – были вполне естественными и должными отражениями устойчиво наследуемого, их нового «поведения-во-Внешнем». Принципиальная возможность именно такого, «поведенческо-морфоперестроенного начала» Палеоантропогенеза подтверждается очень многими, совокупно взятыми научными фактами. Остаётся только уточнить: «Почему же палеоантропы были так настойчивы в наследовании этого нового «поведения-во-Внешнем»? Что им было нужнее – «ходить прямо» или «иметь свободные конечности»? Традиционные - «трудовая» и «охотничья» теории Антропогенеза – однозначных и ясных ответов на эти вопросы не предоставляют (их научная слабость и потенциальная ограниченность общеизвестны), поэтому обратим внимание на ту наиболее существенную сторону бытия палеоантропов, которая как-то выпала из поля научного внимания, но, по всей видимости, она-то и могла обусловить «начало» Палеоантропогенеза – в его самой примитивной форме (биологической).

Итак, что же могло быть первичным для палеоантропов – стремление к «прямохождению» или стремление «освободить конечности»? В поисках ответа оценим – нужно ли было «прямохождение», например, при «охоте» или при «труде» в «изготовлении орудий»? Вполне очевидно, что эта повседневная сторона бытия палеоантропов обязательного «системного прямохождения» не требовала («трудиться» удобнее сидя, «охотиться» удобнее «скрытно»). Для таких «традиционных видов деятельности палеоантропов» очевидно не обязательна и «системная свобода передних конечностей» (высшие приматы могут делать всё то же самое: «орудия труда», «средства защиты» и «охотиться»). Таким образом, у палеоантропов могла быть лишь одна объективная необходимость «освобождать передние конечности» - для строительства «искусственных семейных убежищ».

Для любого животного первично «убежище», а лишь затем уже следует «пища» и «ареал обитания», поэтому почти все животные либо ищут и используют «готовые убежища» (природные полости, природные пещеры и т.д.), либо «строят убежища» (копают «норы» или делают «норы»). На основании данных палеонтологии можно с уверенностью говорить о том, что исходными «главными убежищами палеоантропов» были «естественные пещеры» («семьи палеоантропов» могли насчитывать до 10-30 и более особей). За обладание «пещерными убежищами» велась ожесточённая борьба не только с одновидовыми «чужими семьями». Претендентами на «пещерные убежища» были и «Другие Человекообразные», подобные палеоантропам. Естественным выходом из длительной межвидовой борьбы всех Человекообразных за «естественные убежища» могло стать «строительство искусственных убежищ» из наличных подручных средств, которым исторически постепенно и в наибольшей степени овладели лишь палеоантропы. Но для такого «убежищестроительства» также не обязательны «прямохождение» и «системная свобода передних конечностей» - «освобождавшихся» довольно легко, если сесть или приподняться на «ногах». Тогда причём здесь предлагаемая гипотеза об «убежищестроительных началах Палеоантропогенеза»? Не будем топиться с выводом – «строительство искусственного убежища для большой семьи» довольно сложный процесс, предполагающий не только «умение строить в кооперации» (передаваемое социальным путём), но и наличие определённых «строительных материалов». В далёкие «палеоантропные времена» основными «убежищестроительными материалами» могли быть только жерди, шкуры животных, ветви деревьев,

подобия «кожаных ремней» (для «увязывания крыши и стен») и камни. Как известно, палеоантропы были «собирающими» и «охотниками» с «кочевым образом жизни» - вынуждавшим менять «ареалы» и места «стоянок» довольно часто. Здесь-то и кроется объективная необходимость «свободных передних конечностей» - при оборудовании «новых стоянок» палеоантропы, вероятнее всего, применяли материалы и орудия, уже использовавшиеся ими на их «прежних стоянках», но которые нужно было как-то переносить на «новое место» (не всегда на «новом месте» их могло быть в достатке, да и «стройка из готовых деталей» всегда более быстрая. А где, например, на «новом месте» необходимые «орудия» - для вырубki нужных кольев и жердей?). Именно для этого - для «транспортирования производительных основ искусственного убежища» - и были принципиально необходимы «свободные передние конечности всех членов семьи палеоантропов». Могли ли они перенести «убежищестроительные материалы» и «орудия для убежищестроительства» на «новое место бытия» как-то иначе, без помощи «свободных передних конечностей»? «Транспортирование» вышеуказанного очевидно требовало и «смекалки», непрерывного совершенствования того, что в Животном Мире представлено довольно однообразно - «приёмов транспортировки грузов». Причём, в режиме «текущего транспортного времени» - с непрерывной оценкой «эффективности приёмов транспортировки», «удачности находок приёмов транспортировки» и с непрерывной их «коррекцией» (т.е. в режиме «мозговой атаки»). Образно говоря, без пары «свободных рук у каждого» и «смекалки каждого» - «ввиду рудиментарного уровня технологии общество первобытного типа нуждается в кооперации труда более других» (5, с.194) - не было бы «мобильных убежищ палеоантропов», а без их «мобильности» - «эры расцвета и пространственной экспансии палеоантропов». Гипотеза об «убежищестроительных началах Раннего Антропогенеза» способна дать удовлетворительные ответы и на многие другие «вечные» вопросы. Например: об истоках социальных отношений, об истоках «культы жилища» и преемственности «традиций» - «дома», «семьи», «рода» и т.д.

Таким образом, несомненно главной и первичной целью, к которой стремились палеоантропы, следует всё-таки считать не «прямохождение», а «освобождение части конечностей» - обретение ими таким образом новых функциональных возможностей в борьбе за выживание. Здесь уместно вспомнить кенгуру - у неё тоже есть «свободные передние конечности», но по степени «разумности» она заметно отлична от Человека. В видообразовании кенгуру очевидно преобладало «стремление к прямохождению» (в нём, как и в видообразовании пингвинов, «доминировали ноги»). «Руки» у кенгуру, как известно, «малодействительны» (функционально нагружены слабо), а потому вторичны (что заметно и по внешнему их виду).

Проанализировав степень «уникальности» морфологических признаков Человека, обратимся к «психологическим признакам Человека». Сегодня -явно выделяющими Человека в среде Животного Мира - принято считать «Сознание» и «Разум» (иногда трактуемые как синонимы). Что же традиционно понимается под «Разумом» и «Сознанием»? «Разум - это умственная способность к пониманию и осмысления действительного (7, с.1100), высшая ступень мыслительной деятельности - «...знание начинается с чувств, затем переходит к рассудку и заканчивается в Разуме, выше которого нет ничего...» (И.Кант - 8, с.567). По Канту, рассудок носит конечный характер (ограничен чувственными, восприятием и познанием), а Разум способен выйти за пределы чувственного - в поиске «истины» он ничем не ограничен - ни в способах, ни в формах её представления. «Сознание» же - одна из основных категорий философии, социологии и психологии, обозначающая: а) «...человеческую способность идеального воспроизведения действительности в мышлении; высшую форму психологического отражения, свойственную общественно развитому человеку и связанную с речью; идеальную сторону целенаправленной трудовой деятельности, сформировавшуюся в процессе общественной практики и выступающую в двух формах: в индивидуальной и ...общественной...» (7, с.1248); б) «... высший уровень психической активности человека..., своеобразие которой заключается в отражении реальности в форме чувственных и умственных образов, которые предвосхищают практические действия человека и придают им целенаправленный характер...» (8, с.622). В психологии «Сознание» трактуется как «... высший уровень организации психической жизни субъекта, выделяющего себя из окружающей действительности, отражающего эту действительность в форме психических образов, которые служат регуляторами целенаправленной деятельности...» (там же). К вышеприведённому можно добавить и чрезвычайную мистификацию «Сознания» - в религиозных и философских течениях идеалистического характера («Сознание первично, материя вторична»).

Исходя из тематики статьи, остановимся лишь на «психологическом определении» Сознания и проанализируем этот «особый психологический признак Человека» (кажущийся «явно уникальным»). Простейшие проявления «Разума» в среде Живого очевидно существовали и до появления Homo sapiens. Даже дальние «родственники» палеоантропов, высшие приматы: а) обладают навыками предметно-орудийной деятельности; б) передают свой опыт выживания социальным путём (индивидуально-популяционным обучением); в) проявляют способность к простейшему абстрактному мышлению (что установлено в неоднократных научных опытах). К тому же, судя по палеоартефактам и по «спектру самоэволюции», палеоантропы были способными и к творческой деятельности. «Ритуалам» и «Культам», т.е. «проявлениям зачатков культуры», также более полумиллиона лет - по палеоартефактам они прослеживаются даже у синантропов (5, с.312).

Проблема выделения истоков и природы «Сознания» очевидно коренится в некоторой неопределённости того, что обозначается этим термином (Как соотносятся «Разум» и «Сознание»? Чем отличаются в принципе?), и в многозначности интерпретаций «Сознания» в различных философских течениях. Ключом к разрешению этой методологической проблемы является признание безусловного бытия «Протосознания» уже в самом начале Палеоантропогенеза (в качестве необходимого средства для элементарной бытийной самоориентации Человекообразных). Ведь сущностно «Сознание Человека» - исходя из его выше-

приведённого «психологического определения» – есть ничто иное, как психологическая активность «Я» по определению «Себя-во-Внешнем» и волевая активность по применению результатов именно психологической потребности в целенаправленных поведенческих актах. Простейшие проявления подобной психологической активности и подобных поведенческих актов имманентны многим представителям Животного Мира (без этого им не выжить – как иначе «сохранять-себя», «перемещаться-в-мире», «находить-пропитание-в-мире» и т.д.). Особость «Сознания Человека» – в многообразии возможных психологических актов (чувственных и рациональных), в свободе выбора их «целей» и средств для повышения их эффективности. Переход передних конечностей палеоантропов из органа передвижения во Внешнем в орган чувственного познания, в орган освоения и объяснения Внешнего (жестом и рисунком), вполне мог стать реальным «началом» преобразования элементарного «живоприродного самоопределения» во Внешнем в многоаспектное и многосодержательное «антропное», которое принято называть «Самоосознанием». При таком понимании исходной сущности «Сознания Человека» возможность выделения Начал Социоантропного Бытия значительно упрощается – становится понятной их возможная история, а их генезис обретает «процессуальное содержание», превращающее многие «пробелы» в его «палеолетописи» уже не в столь значимые (зная «целое» и «ключевые фрагменты целого»), оставшееся неизвестным можно «домыслить» и верифицировать в «целом» – сопрягается или не сопрягается).

Обоснование безусловного бытия «Протосознания» уже в самом начале Палеоантропогенеза можно начать с того, что каждое животное объективно – с момента рождения и всю жизнь – вынуждено, так или иначе, «самоопределяться в Бытии». Спектр актов такой «животной самоидентификации» условно можно ограничить четырьмя элементарными актами: 1) определением «Я-чей?» (акт выделения «своей» родовой «Я-чей?-ки»); 2) определением «Кто-Я?» (акт выделения своего положения в родовой «Ячейке»); 3) определением признаков «Свой-Чужой» (акт выделения «чуждых» «Ячейке»); 4) определением признаков «Своё-Чужое» (акт выделения «ареала Ячейки»). Можно заметить, что эти четыре элементарных акта «животной самоидентификации» достаточно содержательные, они требуют от животного определённой степени «самоосознания» и обязательного сохранения этого «самоосознания» в течении всей жизни (после потери «мироориентации» шансы выжить у животного минимальны).

Спектр элементарных актов «антропной ориентации» в Бытии значительно шире, естественно богаче они и по содержанию. Но в истоках их многообразия и богатства содержания лежала естественная необходимость. Последовательное преобразование «живоприродного Протосознания» сначала в «палеоантропное Протосознание», а затем в «палеосоциоантропное Сознание» могли обусловить: а) историческое расширение спектра «бытийной деятельности палеоантропов» (спектра «условий бытия»); б) историческое развитие и усложнение социальных отношений палеоантропов (умножение числа их уровней). Историческое расширение спектра «бытийной деятельности палеоантропов» (вызванное, согласно «убежищестроительной гипотезе», объективными обстоятельствами) было бы очевидно невозможным без усиленного использования палеоантропами «зачатков речи» (упорядоченной совокупности простейших голосовых сигналов). Появление и дальнейшее интенсивное использование «речи» – этого «нового средства передачи информации, преемствования и сохранения социального опыта» – развивало не только язык и гортань палеоантропов. Интенсивное использование ими для кодировки социальной информации «слов» и становление «слова» основным элементом мышления палеоантропов очевидно отразилось и на их головном мозге. По всей видимости, именно «словесное мышление» вызвало резкое увеличение объёма мозга ближайших предшественников *Homo sapiens* (уже отмеченные «антропные надстройки» мозга палеоантропов интенсивно развились в «социоантропные»). Так «слово» – в результате постоянного и интенсивного использования – могло стать впоследствии «плотью» и естественным, эффективным средством «Рефлексии», основой «палеосоциоантропного Сознания».

Из этого следует, что известные нам, базисные сущностные признаки *Homo Sapiens*, вполне могли сформироваться в «палеосоциоантропной среде», т.е. значительно раньше появления *Homo Sapiens*, а *Homo Sapiens* лишь преемствовал их от своих ближайших предков и сохранил во Времени. Если характеризовать поведение Человека-вообще, то в системном плане следует отметить именно «исторически преемствованное», проявляющееся в «поведении Человека» в максимальной степени – «самоиндивидуацию Человека», «социально-замкнутую бифункциональность Человёка» и «индивидуацию отношений Человека с Внешним» на основе социально содержательных принципов «Свой-Чужой», «Своё-Чужое», «Моё-не Моё» (17, с.105). Два последних принципа можно назвать инвариантными – в «социоантропной мироориентации» они базисные. Редуцирование обнаруживает их практически во всех социально значимых отношениях и практически во всех поведенческих актах Человека (подтверждает это их исторически многообразная регламентация – моральная и правовая).

Обобщим вышеизложенное и ещё раз посмотрим: а) было ли в Палеоантропогенезе что-либо «уникальное»? б) есть ли основания для утверждений – появление в Планетарном Мире Живого «Человека» и «Сознания» «несводимо к естественной эволюции Жизни»?

Как мы уже выяснили – на основании представленной «убежищестроительной гипотезы» – исходная морфоэволюция рода *Homo* заключалась в специализации преемствованной морфологии Человекообразных для реализации «идеи искусственного убежища», которая требовала обязательной «свободы передних конечностей» и, прежде всего, – для «транспортировки убежищестроительных материалов». Примеры «системного прямохождения» или кратковременного «прямохождения с освобождением передних конечностей» (для переноски или «изучения» чего-либо) в Планетарном Животном Мире найти несложно (в частности, медведи переносят жерди и брёвна, «шагая» и держа их в «передних лапах»), так что палеоантропную морфоэволюцию и её направленность нельзя признать «уникальной». Естественность морфоэволюции палеоантропов вытекает из «идейной необходимости», «бытийной целесообразности», а также из

тысячелетней «настойчивости палеоантропов» - «Иметь-Своё-Убежище».

Развитие «социально ориентированных органов» палеоантропов, мозга и гортани, также диктовалось объективной необходимостью – усложнением «видов направленной бытийной деятельности» и необходимостью для группового выживания во Внешнем «новых видов информационных взаимодействий». Этой же «целью» предопределялась и внешняя преобразовательная активность представителей Homo: развитие предметно-орудийной деятельности, «включение» Внешнего в «свою внутреннюю материальную среду» (приручение «диких животных», культивирование растений и т.д.). Таким образом, специфичность палеоантропов в среде Животного Мира изначально проявлялась только в настойчивости - «строить собственные искусственные убежища». Но, как мы видим, это качество палеоантропов тоже не «уникальное» - лишь модифицированное проявление общеживотного инстинкта «иметь убежище».

«Начала» поведенческой регламентации членов палеоантропных социумов также в далёком Прошлом - их предпосылками могли быть только постепенно видоизменившиеся «биосоциальные отношения», а также формировавшиеся и усложнявшиеся во Времени «новые», «специфические социальные отношения»: «строительные», «транспортно-орудийные» и «организационно-бытийные». В позднейших палеоантропных социумах в качестве таких «начал» могли быть уже такие простейшие правила социальных отношений, как «общепринятые нормы» и «наследуемые обычаи». Предположительно, главными объектами палеоантропной самосоциорегламентации могли быть обязанности членов социума в бытии социума и, соответственно, степень ответственности членов социума за их нарушение. Некими «общепринятыми правилами», очевидно, регламентировались и внешние отношения - с «Другими социумами» и с окружающей Природной Средой. Так, по мере усложнения бытия палеоантропов, т.е. по мере насущной необходимости, вполне могло начаться формирование «протосоциальной среды», естественными элементами которой становились протолюди, продукты их преобразовательной активности, а также отношения между ними.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Ранний Антропосоциогенез (Палеоантропосоциогенез) можно представить как взаимопереплетение трёх исторических процессов: биоэволюционного (морфоэволюции «Homo-вида»), онтоэволюционного (эволюции «Homo-бытия») и социэволюционного (эволюции «Homo-отношений»). По степени их доминанции, в Раннем Антропосоциогенезе можно выделить три его последовательные стадии: а) биоэволюционную (стадию преобразования палеоантропами «Себя» - «своей» видовой морфологии и «своего» видового поведения); б) онтоэволюционную (стадию формирования исходных принципов «нового вида» Бытия Живого); в) социэволюционную (стадию перехода к организации «бытия качественно нового вида» - социоантропного).

2. В качестве исходной и ключевой причины – начала биоэволюционной стадии Палеоантропосоциогенеза – можно рассматривать объективную необходимость для палеоантропов «строительства искусственных убежищ», предполагающего «свободу передних конечностей»: для непосредственного «убежищестроительства» и, прежде всего, для транспортировки средств «убежищестроительства» - орудий, материалов и конструктивных элементов.

Последующие стадии Палеоантропосоциогенеза – онтоэволюционная и социэволюционная – могли быть очевидными продолжениями и развитиями биоэволюционной (сущностно и закономерно из неё вытекающими).

3. Представленная «Убежищестроительная гипотеза Раннего Антропосоциогенеза» (вполне логичная и не вызывающая особых сомнений) может рассматриваться как «парадигмальное основание»: а) для комплексного анализа имеющихся палеофактов Раннего Антропосоциогенеза (путём сопоставления палеоостанков протолюдей и, находившихся поблизости, палеоартефактов их быта); б) для комплексного представления истоков «Сознания» (как закономерного итога морфоэволюции «Homo-вида» и эволюции «Homo-бытия»); в) для комплексного представления истоков и начала Социогенеза (как прямого следствия необходимой «убежищестроительной кооперации палеоантропов» и объективной их потребности: в её организации, в её бытии и в её развитии).

Источники и литература

1. Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры / Проблема человека в западной философии: Переводы. – М.: Прогресс, 1988.
2. Фёдоров Н. Философия общего дела / Мир философии. В 2-х ч. Ч.2. – М.: Политиздат, 1991.
3. Поннамперума С. Происхождение жизни. Перевод с англ. – М.: Мир, 1997.
4. Гоббс Т. Сочинения в 2-х т. Пер. с лат. и англ. – М.: Мысль, 1991. – Т.2.
5. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: «АСТ», 2004.
6. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – Т.2. Всемирно-исторические перспективы. – Минск: ООО «Поппури», 1999.
7. Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1981.
8. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983.
9. Новейший философский словарь. 2-е изд. – Минск: Интерпрессервис, 2001.
10. Дубинин Н.П. Философские и социологические аспекты генетики человека // Вопросы философии. – 1971. – № 1.
11. Мильдон В.И. Природа и культура // Вопросы философии. – 1999. – № 12.

12. Гелен А. О систематике антропологии / Проблема человека в западной философии: Переводы. – М.: Прогресс, 1988.
13. Шелер М. Положение человека в Космосе / Проблема человека в западной философии: Переводы. – М.: Прогресс, 1988.
14. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. – М.: Мысль, 1974.
15. Плеснер Х. Ступени органического и человек / Проблема человека в западной философии: Переводы. – М.: Прогресс, 1988.
16. Фромм Э. Пути из больного общества / Проблема человека в западной философии: Переводы. – М.: Прогресс, 1988.
17. Чудомех В.Н. Целостность живого в контексте современного естествознания (онтологические основы). Рукопись. Кандидатская диссертация. – Симферополь: ТНУ им. В.И. Вернадского, 2003.
18. Алексеев В.П. Становление человечества. – М.: Политиздат, 1984.
19. Рогинский Я.Я. Проблемы антропогенеза. Изд. 2-е доп. – М: Высшая школа, 1977.

Шевчук А.Г.

ФАКТОРЫ ДИНАМИКИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ

В периоды смены общественных ориентиров территориальные этноконфессиональные системы приобретают ускоренный характер развития большинства внутри- и межсистемных процессов. Возникает необходимость классификации тех побудительных причин или факторов, которые способствуют возникновению или затуханию этноконфессиональной динамики.

Цель данной работы заключалась в поиске и систематизации социокультурных оснований развития этнических и конфессиональных компонентов общества на глобальном и регионально-страновом уровнях.

Проблематика географического исследования этноконфессиональных процессов существует в настоящее время, во-первых, в обособленных контекстах, т.е. этнические и конфессиональные процессы изучаются как отдельные феномены, а во-вторых, отсутствует интегральная типология факторов возникновения и развития *современных* этноконфессиональных процессов для различных территориальных уровней организации общества. Наиболее полную, но требующую критического осмысления с позиций современных общественных трансформаций, типологическую схему этнических процессов и факторов их формирования приводили ещё в 50 - 70-х годах прошлого века П.И.Кушнер, В.И Козлов, В.В.Покшишевский, а также М.В.Крюков [1,2,3,4]. Географические исследования конфессиональной процессологии в советский период практически отсутствовали.

В конце прошлого века отечественных этноспециалистов всерьёз заинтересовали поиски факторов этничности [5,6,7,8]. При этом этничность стала трактоваться в духе работ наиболее признанного её теоретика норвежского ученого Фредерика Барта. Им ещё в конце 60-х годов

XX в. было высказано мнение о том, что «этничность – это форма социальной организации культурных различий», и центральным моментом в научном анализе данного феномена является этническая граница, которая определяет группу, а не сам по себе содержащийся в пределах этих границ культурный материал [9,10,11]. Иными словами исследователя должно волновать не выискивание причин эволюционного складывания человеческих групп в племена, роды, народности, а процесс формирования в индивидуальном сознании членов этих групп таких компонентов, как общие ценности, верования, нормы поведения, самосознание, общая групповая память и лояльность к представителям иных групп, т.е. всего того комплекса ощущений, который принято называть идентичностью.

Американский этносоциолог В.Соллорс, дополняя Ф.Барта, отмечал, что этничность – « это не предмет, а процесс», процесс определения индивидуальной или групповой идентичности, понимания этнической принадлежности, который заменяет видимые, конкретные общности и который может мобилизовать людей. В целом, считает В.Соллорс, этничность не является унаследованным от прошлого феноменом, а компонентом модернизма, символической конструкцией, «сооруженной на согласии, современности и вызове» [12, с.366].

Значительная часть западных ученых рассматривают этничность как специфический тип идеологии. Среди сторонников такого подхода известные американские социолог Д.Белл и политолог Ф.Риггс. В своем словаре «Этничность.Аспекты содержания» Фрэд Риггс отмечает, что основным свойством этничности является «способность этнических групп преследовать определенные цели или защищать свои интересы. Характерно, что этничность зачастую возникает как реакция в условиях соперничества различных групп или же формируется в рамках большого общества, организованного в виде государства или империи» [13, с.13]. Этничность как политическая идеология должна, по мнению С. Холла и Э. Вулфа, пребывать в оппозиции к классовой идеологии [14, 15], а Г. Ганс связывает этничность с «символическим взаимодействием» различными групп людей, предполагая, что индивиды взаимодействуют в обществе не столько согласно понятиям реального бытия, сколько в соответствии с различными категориями и концепциями, которые они сами о себе сформулировали [12, с.366].

Таким образом, представление об этничности, сложившееся в настоящее время среди этноспециалистов позволяет рассматривать её как комплексное образование (культурологическое, психологическое, идеологическое), имеющее субъективную природу, возникающее ситуативно в зависимости от степени сфор-